

ЦК ВКП/б/ город Москва

товарищу И.В.СТАЛИНУ

от быв. чекиста/заключенного в Усть-
Вымском ИТР сроком на 5 лет по ст.
193-17 п"а" УК РСФСР-ЕГОРОВА Павла
Андриановича.

Несценимы заслуги органов УГБ НКВД в деле разгрома и физического уничтожения врагов народа Бухарина, Рыкова и их сподвижников - троцкистско-японо-германских агентов.

В целом эти заслуги принадлежат Вам и партии, под руководством которых органы УГБ успешно начали и завершили эту сложную операцию, показав всему миру, не имеющему претендента в истории человечества, чудовищную предательскую деятельность троцкистско-бухаринских наемников.

Работа органов УГБ за 1937-38 г.г. заслуженно вызывала восхищение и любовь всего прогрессивного человечества к карающему органу диктатуры пролетариата. Эта любовь закреплялась с в сознании трудящихся партией и нашей прессой.

Наряду с этими боевыми делами, навеки вошедшими в историю человечества, в ряде мест органы УГБ, передав забвению Ваши неоднократные указания о любви и бережном отношении к человеку, встали на путь создания искусственных дел, по которым наряду с враждебно действующим элементом арестовывались люди, беззаветно преданные Вам и партии, люди из социально близкой среды, никогда не думавшие о каких-бы то ни было вражеских действиях против Родины-слюда попадали честные служащие, ремесленники и просто обыватели, интересы которых замыкались рамками своих семейств.

Многие тысячи таких людей, вместе с активно действующим врагом, оказались расстреляны или заключены в исправительно-трудовые лагере.

Я сам, быв. чекист с 1922 года по день ареста 25 января 1938 года, на протяжении 16 лет проработал в органах ЧК ОГПУ НКВД на территории Сибири. В операции по ликвидации вражеских элементов в 1937 году я принимал активное участие на территориях Новосибирской области и Алтайского края, работая последнее время начальником особого УГБ НКВД 78 СД в г. Томске - имел звание ст. лейтенанта госбезопасности.

Первое указание о подготовке массовой операции мы получили по НКВД СССР в июле м-це 1937 года. Эта директива обязывала нас составить списки на весь контрреволюционный элемент и специально чуждой среды и весь уголовный рецидив, представляющий из себя социальную опасность для общества.

Вслед за этим был дан сигнал о начале операции и организации судебных троек при УНКВД для рассмотрения всех этих дел. Таким образом, основной удар по контрреволюционным и уголовным элементам, проходящим по нашим учётам и разработкам, был нанесен в августе месяце 1937 года.

Последующий смысл всех директивных установок руководства управления НКВД, даваемых на совещаниях и при докладах сводился к необходимости весь оперативный контингент, проходящий по учётам и разработкам, свести в разные по названиям, но единые по своим целям контрреволюционные организации, связанные с иноразведками враждебных нам стран и белоэмигрантовскими центрами за границей.

Оперсостав органов, восприняв эти установки, как прямую физическую ликвидацию всей контрреволюции, в том числе и пассивной, но являющейся базой для различных контрреволюционных формирований, деятельно следуя этим директивам, приступил к их реализации с полным сознанием исторической необходимости очистить нашу страну от этого контингента.

Исходным началом для разрешения этой задачи должны были явиться штабы руководства этих организаций для чего в разные места были выброшены опергруппы с задачами "найти" эти штабы.

В Нарымский округ был с опергруппой командирован вринач. 4 отдела УНКВД ст. л-нт г/б ПОПОВ, который по прибытии в Нарым в разных местах закопал оружие различных систем, а затем арестовав группу б/бел. офицерства во главе с б/полковником Михайловым, путем намеренной и следственной обработки взял от них показания о существовании в Сибири Российского общевойскового союза (РОВС"а). Арестованные "показали" на скрытые у организации оружейные склады, которые при участии понятых от советских и общественных организаций и были обнаружены".

Арестованный "центр" организации дал развернутые показания о якобы существующей организации с наличием большого количества участников.

С аналогичной задачей в район Кузбасса был командирован начальник 3 отдела УНКВД НСО мл. лейтенант г/б ГОЛУБИК, который успешно провел такую же операцию по Кузбассу.

В Томске, по примеру Нарыма и Кузбасса, РОВС был вскрыт бригадой УНКВД и местным аппаратом горотдела, причем здесь "штаб" был создан из нашей агентуры из числа б/б/офицерства СИТНИКОВА и других, которым было разъяснено, что от них нужны такие показания для Родины и они временно арестовываются для камерной разработки тех людей, которые будут арестовываться по этой "организации". Впоследствии все они были расстреляны.

По Бийскому и Алтайскому кустам аппаратом 13-го отдела УНКВД была "успешно" развита операция к/р повстанческой, японской, шпионской организации, руководимой б/командующим партизскими силами Алтая Третьяком. Эта операция поглотила всех лидеров партизанского движения в период реакции Колчака в Сибири и очень большое количество красных партизан.

Арестованные к/р одиночки, разрозненные группы и целые организации, находящиеся в нашей разработке, стали сводиться в целые организации с большими филиалами.

Примерно, до конца сентября или начала октября мес. 1937 г. операция носила исключительно характер разгрома всех контрреволюционных кадров и не касалась широких слоев населения. С сентября мес. 1937 года в массовом количестве стали поступать категорические требования — усиление операции шифротелеграммами приказывалось подвергнуть массовым арестам всех перебежчиков, поляков, латышей, иранцев, лиц, прибывших с КВЖД ("харбинцев") и др.

УНКВД НСО стало спускать периферии "контрольные" цифры на аресты, называвшиеся "минимум", так как давать результаты ниже их запрещалось. Например, Томск получал неоднократно такие контрольные цифры на 1500, 2000, 3000 и т.д. "соревнование" кто больше арестует.

В помощь кадровому составу органов для проведения всей этой колоссальной, до сих пор невиданной, операции была привлечена масса работников милиции, средних и старших командиров внутренней и пограничной охраны НКВД, комсомольцы, зав. спец. секторами различных учреждений, быв. чекиста и т.д.

В конце сентября мес. или начале октября мес. когда были реализованы все наши учёты, операция с бешеной силой обрушалась на ни в чем неповинных людей, никогда не участвовавших в каких-либо антисоветских и контрразведывательных делах и не скомпрометированных связями.

Для многих нас смысл дальнейшей операции стал не только непонятен, но и страшен, но остановить ее бешеный шквал только мог ЦК ВКП/б/ и Вы.

При желании некоторых чекистов спасти невинных людей приводили лишь только к их арестам и гибели. Увеличились самоубийства среди чекистов.

В Томске в этот период основную работу по камерной обработке вел некий Пушкин-фигура, на которой следует подробно остановиться.

ПУШКИН в 1935 году в Томске и его районе создал к/р повстанческую организацию "Партию народных героев". Он вовлек в нее большое количество к/р настроенного элемента, причем всех участников организации он обязывал подписками, давал им клички и т.д. в выработанной им программе и уставе "Партия народных героев", являющейся копией программы БРП, во главе стояло уничтожение коммунистов, роспуск колхозов и т.п. В начале 1936 года Пушкин решил перейти на нелегальное положение, для чего он инсценировал свою смерть, снявшись с гробу. Эти фотокарточки были распространены среди родных, знакомых Пушкина и участников созданной им организации. При аресте Пушкина у него были обнаружены подписки и анкеты участников организации, план восстания и свержения советской власти в Томске и Сибири. Пушкин в 1936 году военным трибуналом был приговорен к расстрелу, который был заменен 10 годам ИТЛ.

"Почошь" Пушкина была колоссальной. Несмотря на то, что все камеры были переполнены арестованными, в камерах на 6 чел. сидело по 30-40 человек, а всего по Томску и его району было арестовано.... человек. В комнатах следователей редко можно было застать арестованных на допросах. Делалось так, руководители следственных групп разбивали арестованных на группы от 5 до 10 человек, причем в своем большинстве эти люди друг друга до ареста не знали и давали их отдельным следователям, которые получив от Пушкина заявления о готовности арестованных подписать все то, что им предложит следствие, вызывали их к себе, заполняли анкетные данные протоколов допросов, отбирали списки на знакомых и отправляли обратно для того, чтобы вызвать второй раз и подписать графарецкий протокол о "принадлежности" арестованного к РОВ"су или др. аналогичной организации, причем эти 5-10 человек, ранее друг друга не знавшие оказывались по протоколам давно знавшими и друг друга завербовавшими в ту или иную к/р организацию, а все или почти все знакомые этих арестованных также оказывались участниками организации.

В Новосибирске наряду с аналогичной обработкой арестованных применялись и др. методы "воздействия". Например, в 3 отделе УНКВД под руководством его начальника, мл. лейтенанта госбезопасности Иванова были введены в действие толстые большие старинные альбомы с массивными переплетами, железные линейки и т.д., причем все эти предметы имели названия: "первой степени", "второй степени", "третьей степени". Этими предметами жестоко избивали арестованных. Широко практиковалась "выстойка" арестованных на ногах по несколько суток, зачастую привязывали их с несгораемым шкафом и дверям, чтобы не падали до тех пор, пока не подпишут протокола и не напишут собственноручного заявления о принадлежности к организации. Работавший в 3 отделе некий Малозовский, проводивший следствие по немцам, латышам и литовцам записывал в протокол то, что было "нужно" для следствия, а зачитывая арестованным из своей головы, что они являются преданными людьми родины, любят советскую власть, что они арестованы неверно и просят их освободить. Конечных "протоколов" Малозовский заканчивал лозунгами: "да здравствует советская власть, да здравствует тов. Сталин".

Заставляли подписывать чистые листы бумаги, а затем писались протоколы, подделывались подписи под протоколами и т.д.

Большинство всех этих арестованных расстреляны.

В погоне за поляками, латышами и др. подпадавшими под массовые аресты нацистскими методами применялись различные методы просматривались списки сотрудников по учреждениям, прописные листы в адресных столах и т.п. причем зачастую арестовывались люди, которые имели несчастье носить польские, литовские и подобные им фамилии, но иногда ничего общего не имевшие с той или иной национальностью. Такие люди по протоколам оказывались участниками монархических повстанческих организаций, правда из Новосибирска поступило устное распоряжение в таких случаях в повестках дня тройки не указывать национальность. В прошлом продавец или кустарь превращались в крупных торговцев и владельцев, бухгалтера в царских чиновников, провокаторов и т.д.

✓ В Алтайском крае дела через тройку проходили без нужного оформления. Методы следствия там были еще более ужасными.

Неимоверная по размерам была проведена операция по ж.д. транспорту. Начальник 6 отдела, капитан госбезопасности Невский (из дворян быв. офицер) хвалился, что он показаниями "вышел" на одного из членов ЦК.

Вообще стиль работы части "чекистов" свёлся к стремлению "сваливать" крупных людей. Фабрикуя показания и принуждая подписывать их арестованных, многие "чекисты" включали в эти показания ответственных партийных и советских работников. Это считалось большой заслугой и такие люди быстро "росли" и выдвигались на работе.

Я мог бы привести уйму таких фактов, но ограничусь только двумя подтверждающими эту преступную практику прошлого:

1. В германском консульстве работал в качестве одного из ответственных сотрудников, являвшийся нашим агентом "Спортсмен". Работая долгое время в КРО ОГПУ Сибири, я хотя с ним по работе не связан не был, но знал, что он большим доверием не пользовался — он использовался по установлению консульских связей. В 1937 году его решили арестовать и взять официальные показания на консульские связи во Сибири. Арестованный "Спортсмен" первоначально допрашивался нач. отделения особого отдела мл. л.-нт госбезопасности Парфёновым, а затем по настоянию нач. 4 отдела УНКВД ПОПОВА был передан суду. ПОПОВ в протокол допроса "Спортсмена" включил для "агентов гестапо" ряд ответственных работников, в частности оказались агентами германской разведки весь оперсостав УГБ, в разное время руководивший "спортсменом" как нашим агентом Подольский, Черно-Иванов и др. и ряд работников Крайкома и Крайисполкома.

"Спортсмен" очевидно охотно всё это подписал, т.к. он лично ничего не терял, а его хозяева — фашисты выигрывали. "Спортсмен" был выдворен из пределов СССР, а все лица, которые были включены в его показания, арестованы и очевидно расстреляны. Необходимо отметить, что жена ПОПОВА была лично знакома со "Спортсменом" и когда последний допрашивался Парфёновым, Попов просил его "по товарищески" не губить его. Получив себе "Спортсмена", Попов, конечно, свою жену не вилил. История Попова со "Спортсменом" очень темна и пожалуй не будет удивительно, если действительная агентура немцев осталась после такого "следствия" жива и здорова!

2. В начале операции, в августе месяце 1937 года, я в Юргинских военных лагерях арестовал 4-5 человек переменников 234 он расположенного на зимних квартирах в г. Барнауле. Арестованные происходили из кулаков, а часть были рецидивистами, имеющими по несколько судимостей. До ареста эти арестованные между собой связаны не были и проходили по нашим материалам как одиночки. В связи с необходимостью оформления дел эти арестованные были направлены в Барнаул — я дал указание в полк оперуполномоченному по оформлению дела выслать в Особдив. Попов приказал от этих арестованных отобрать показания, что они якобы являются участниками к/р повстанческой организации, существовавшей в полку и руководимой рядом командиров.

В результате, таким образом добытых показаний свыше 20 чел. командиров были обвинены в принадлежности к организации, на которых в начале января 1938 года 13 час. были Поповым арестованы и ожидалась санкция на арест других. Большинство этих командиров были преданными людьми и никакими компрометирующими материалами мы на них не располагали.

В фабрикации таких дел был втянут не только весь без исключения кадровый состав УГБ, но и все привлеченные на операцию люди, среди которых зачастую попадались политически неблагонадежные люди, разлагавшие размеры проводимых НКВД операций, характер допросов и отношение к арестованным. Так, например, в Томске всё тот же Овчинников привлёк из разных учреждений несколько машинисток, из которых две оказались нами арестованных и осужденных еще до этой операции, за к/р деятельность лиц. Эти машинистки выполняли сов. секретную работу. Овчинников привлёк к работе некоего Чаговца, родственника попа и тесно связался с ним. Об этих лица на партсобраниях дважды ставился вопрос, но они продолжали работать до тех пор, пока Новосибирск не предложил их выгнать.

Из всего этого видно, что зачастую перегибы в арестах и возведение чудовищных преступлений на людей на совершавших эти преступления, сопровождались политической слепотой ряда руководящих работников органов.

Я считаю это не случайным, т.к. последний год выдвинул на руководящую работу людей политически сомнительных и социально чуждой среды и карьеристов. Чтобы не быть голословным, подтверждаю это следующими фактами:

1. Начальник УНКВД Алтайского края ПОПОВ /б.нач. 4 отдела УНКВД ЗСК/привезен в Сибирь. б/пн ОГПУ ЗСК Алексеевым, б/чл. ЦК левых эсеров, с которым Попов был в самых лучших отношениях. Попов прекрасный следственный, он провел ряд крупных дел, в частности, он он провел следствие на МУРАВЬЕВА, ЛИВШИЦА и др., по натуре он ярко выраженный карьерист, и поэтому подчиняет все. О нём в чекистской среде принято говорить, что ради карьеры он готов шагнуть через трупы своих товарищей. О нем ходят целые анекдоты, например, всем известно, что при представлении его к награде в 1937 году он устроил целую сцену начальнику управления Миронову, требуя представить его не к младшему ордену Красной звезды, как это хотели сделать, а к ордену Ленина. В результате он получил орден Ленина. В партийно-массовой работе Попов никогда никакого участия не принимал. При наличии низкой партийности и большого карьеризма он способен не всё.

2. Начальник 3 отдела УНКВД Алтайского края л-т г/б Лазарев пользуется большим покровительством ПОПОВА. В прошлом Лазарев в Иркутском университете активно участвовал в троцкистской оппозиции, о чем он скрыл от парторганизации и когда его принадлежность к троцкизму была установлена, парторганизации запретили разбирать этот вопрос. Лазарев является таким же карьеристом как и Попов. Он и раньше был склонен к созданию фиктивных дел. Поповым он представлен был к ряду наград. За 1937 год Лазарев получил орден "Красной звезды" и знак почетного работника ВЧК-ОГПУ-НКВД.

3. Нач. 6 отдела УНКВД НСО капитан г/б Невский из дворян б/офицер, награжден орденом "Красной звезды".

4. Нач. 4 отдела УНКВД НСО, л-нт госбезопасности Постановов родственно связан с кулачеством и сам, кажется, из кулаков, карьерист. Награжден орденом "Знак почета". Вдохновлял создание фиктивных дел, например, на совещании оперсостава в Нарыме он дал установку посадить больше 50% всей праторганизации округа.

5. Начальник 5 отдела УНКВД НСО, лейтенант госбезопасности МЕЛЕХИН из кулаков.

6. Нач. 9 отдела УНКВД НСО-лейтенант госбезопасности. БАТАЛИН-сын попа, морально разложившийся, о его моральном разложении и болтливости дала показания б/работница крайкома ВКП/б/ ГОВА.

7. Нач. Томского ГО НКВД, капитан госбезопасности. ОВЧИННИКОВ в период работы в Прокопьевске/Кузбасс/, в момент посещения т. Молотовым Кузбасса посадил за руль его машины террориста участника Сибирского террористического центра, б/иноподанного Ариольда, который не произвел теракта над т. Молотовым из-за простой случайности. Овчинников был связан с участником этого же центра ШЕСТОВЫМ и др. Деятельность ОВЧИННИКОВА в Томске мною подробно освещена выше, нужно только добавить, что он за последнюю операцию присвоил много различных вещей расстрелянных и арестованных.

8. Б. Оперуполномоченный ОО СИБВО мл. лейтенант госбезопасности ЕГОРОВ В.Т. (ныне нач. 5 отд. УНКВД Красноярского края/морально разложившийся тип. Ранее был одним из самых плохих работников, от которого обыкновенно все отказывались. За эту операцию он "проявил" себя и был награжден орденом "Красной звезды" и назначен нач. 5 отдела УНКВД Красноярского края.

9. Оперуполномоченный 5 отд. УНКВД НСО ГИНКИН в прошлом лентяй склочник и есенинец, в период этой операции "выдвинулся" и назначен начальником отделения 5 отдела УНКВД НСО. Стал считаться лучшим чекистом. Говорят, что он происходит из дворян.

10. Оперуполномоченный 5 отдела УНКВД НСО АЛПАТОВ, сын крупного Бийского купца, тоже "выдвинулся" и назначен нач. отделения 5 отдела УНКВД.

11. Б/зам. нач. УНКВД НСО майор г/б МАЛЬЦЕВ (ныне нач. УНКВД/ в 1930 году, будучи нач. Томского окротдела ОГПУ, допустил создание большого провокационного дела "Русь", по которому было арестовано свыше 200 человек. За создание фиктивного дела и ряда др. преступлений нач. КРО окротдела Грушецкий был расстрелян, а Мальцев снят. С 1930 года по 1932 г. Мальцев работал где-то на Северном Кавказе. В 1937 году он прибыл вновь в Сибирь в качестве пом. нач. УНКВД, вскоре же он был назначен зам. начальника УНКВД НСО

МАЛЬЦЕВ являлся вдохновителем всех фиктивных дел в Новосибирской области. В даваемых им в 1937 году установках он в первую очередь преследовал цель "больше арестовывать", а кого именно, это было для него неважно.

Садизмом и грубым цинизмом дышали все его "оперативные указания конца 1937 года. В начале декабря мес. 1937 года мы получили указание, что суд. тройка заканчивает свою работу 10. XII., после чего она ликвидируется. Неожиданно, числа 10. XII в Томск приехал Мальцев и на созванном совещании оперсостава выступил буквально с такими "указаниями":

"Партия и правительство продлило срок работы троек до 1 января 1938 года. За два-три дня, что остались до выборов в Верховный Совет, вы должны провести подготовку к операции, а 13 декабря — после выборов в Верховный Совет начать "заготовку. Даю Вам 3 дня на "заготовку" (это значит на арест людей), а затем вы должны "нажать" и быстро закончить дела. "Колотъ" это "добиваться" сознания у арестованных, не обязательно, давайте в дела "нерасколотых" два показания "расколотых" и все будет в порядке. Возрастным составом арестованных я Вас не ограничиваю, давайте стариков. Нам нужно "нажать", т.к. наши уральские соседи нас сильно "поджимают" (нужно понимать, идут по операциям впереди НСО). По РОБС"у вы должны дать до 1. I. 38 года не менее 100 ч., по полякам, латышам и других не мене 600 чел., но в общей сложности я уверен, что вы за эти дни "догоните" до 2000 чел. Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7-10 дел в день — это немного, так как у нас шофера в Сталинске и Новосибирске "дают" по 12-15 дел в день. Хорошо работающим после совещания у "подброшу" денег, а вообще без награды они не останутся. Учтите, что ряд горотделов — Кемеровский, Прокопьевский и Сталинский все могут опередить. Они взяли на себя самообязательство выше, чем я вам сейчас предложил".

Сразу же после торжественных выборов в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года гор. Томск был в невиданной силе потрясен новыми арестами.

Мальцев грубо нарушал положение о работе судебных троек. Как правило, он единолично заседал и "разбирал" дела. Первое время иногда бывал представитель Крайкома ВКП/б., но когда там всех арестовали, никто уже из Крайкома не присутствовал, также первое время участвовал в работе тройки обл. прокурор Барков, но когда его тоже арестовали, то никто уже из прокуратуры в работе тройки участия не принимал.

Мальцев награжден орденом "Красной звезды".

Вот такова краткая характеристика некоторых работников органов, руководивших операцией. Эти характеристики далеко не исчерпывают всего того, что эти люди делали в период операций, а результаты ее были потрясающие.

По ряду войсковых частей с районами комплектования Томска и его района "засоренность" (военнослужащие, близкие родственники которых подвергались аресту) достигла колоссальных размеров, например, по отд. саперному батальону 78 сд. засоренность на 1. I. 38 г. выразилась в 78%, по ОТБ и др. частям засоренность колебалась в пределах 40%. Это по официальным командованиям, плюс к этому нужно иметь в виду некоторый % военнослужащих скрывших аресты своих родственников или еще не знавших о них. Были и такие, которые на пережив позора ареста родственников, например, руководитель военной кафедры одного из томских ВУЗ"ов Лебедев застрелился, оставив записку

он он не хочет жить с ярлыком сына врага народа. Таких случаев было много.

Остановиться в операции при работе троек было невозможно. Пришедшие в органы люди, карьеристы и люди без элементарных человеческих чувств любви к преданным людям родины писали протоколы допросов с возведением чудовищных обвинений с называнием в протоколы уймы таких же ни в чем неповинных людей. Обманутые авторитетом УГБ, под влиянием физических и моральных пыток арестованные подписывали свои смертные приговоры.

Вихрь операции увлек за собой весь оперсостав органов, все писали протоколы с той только разницей — одни делали верно, выбирая исключительно контрреволюционный элемент, а другие без разбора били не только всех, но били преднамеренно по коммунистам и преданным людям страны.

Всеякие попытки не только поднять голос и сказать "остановись", но даже за посылку писем б/Наркому ЕЖОВУ с сообщением о преступной практике приводили к уничтожению таких чекистов.

В качестве зам. нач. особого отдела СИБВО работал капитан г/б т. КОЛОМИЙЦ. Старый чекист с высокой партийностью он был беспощаден к врагам. Являясь также врагом провокационных дел он с момента приезда в НСО вел глухую, но неравную борьбу с фальсификаторами. В ноябре месяце 1937 года в Новосибирске в 233 сп. входящим в обслуживаемую мною дивизию аппаратом ОО СИБВО были арестованы 7 красноармейцев немцев лишь только за то, что они немцы. Эти немцы были "сведены" в контрреволюционную шпионско-диверсионную повстанческую фашистскую организацию. КОЛОМИЙЦ восстал против этого и потребовал от б. нач. УНКВД ГОРБАЧ передопроса обвиняемых с вызовом на следствие меня. Одновременно КОЛОМИЙЦ позвонил по телефону мне в Томск и предложил выехать для ведения этого дела. Через некоторое время я по телефону от пом. нач. ОО СИБВО МЕЛЕХИНА получил указание в Новосибирск не выезжать.

КОЛОМИЙЦ о ряде таких дел и об этом в частности написал письмо быв. Наркому ЕЖОВУ, а затем временем Горбач передал дело на красноармейцев-немцев 3 отделу УНКВД, которое и доложило его на тройке, по решению ее все они были расстреляны. Ответ из Москвы тоже не воздействовал, т. Коломийц был уволен в запас и сразу же арестован. На "активном допросе", продолжавшемся 54 суток из него выбивали показания о принадлежности к право-троцкистскому заговору. Из Красноярска по особому заказу Новосибирска были высланы протоколы допросов участников право-троцкистской организации, причем "изобличающие" Коломийца в принадлежности к последней, причем протоколы были отобраны от таких людей, которых Коломийц вовсе не знал.

После допроса Коломийц был посажен в ту же камеру, где сидел и я. До ареста это был цветущий человек. Когда же его привели в камеру, это был старик с седой бородой, с разбитым ухом и изувеченным носом. Вся его шея была в струпьях (при допросе шею терли воротником), все его ноги были в кровоподтеках от долгого стояния и прилива крови в ноги кожа полнела, запястья рук были покрыты ссадинами от наручников.

Несмотря на пережитые физические мученья и перспективу незаслуженной преждевременной, ненужной партии и родине смерти, тов. Коломийц не падал духом. У него была колоссальная надежда на скорый конец произвола. Как часто вспоминал он Ваше имя. Он до конца был предан Вам и партии и пережитые пытки не могли поколебать его веру в дело партии. Он часто по ночам будил меня, и указывая пальцем на левую сторону лба и затылок, жаловался, что он чувствует в этом месте боль, он даже чувствовал где должна пройти пуля при расстреле. Его наверно нет сейчас в живых, но те, кто "допрашивал" его должны сказать—враг ли Коломийц.

Арестованный начальник Нарымского окротдела НКВД ст. л-т г/б МАРТОН был известен как чекист, проводивший ряд крупных дел. Он был обвинен в принадлежности в какой-то чуть ли на РОСС-кой организации. На двенадцатые сутки голодного допроса он упал и был направлен на искусственное питание в тюремную больницу, где врач применил искусственное питание через нос, порвав все носовые связки. На 45 сутки допроса МАРТОН подписал показания о принадлежности к организации.

Арестованный пом. начальника того окротдела НКВД ст. л-т г/б СУРОВ был обвинен в принадлежности к военно-троцкистскому заговору. На 13 сутки допроса в наручниках, с применением физического воздействия СУРОВ подписал протокол о том, что он в 1915 или 1916 г.г. являлся агентом сыскальной полиции под кличкой "Малыш" (ему тогда фактически было 14 лет) и что, он будучи "недоволен существующим строем", на протяжении всего периода существования советской власти и 18 летней работы в органах "маскировался", что и привело его к вступлению в организацию.

Десятки старых чекистов были арестованы и расстреляны как "враги народа". Нач. 6-го отдела УНКВД НСО, капитан г/б Невский (с кем я писал выше) арестовал всех поляков и латышей, не забыв даже и белоруссов, старых работников органов, например, л-т г/б Мушинского, Балицкого, Кальмана и др., которые были обвинены в принадлежности к различным шпионским организациям.

Б. Начальник 3 отдела Сиблага ст. лейтенант г/б ДАНЦИГЕР был обвинен в активной шпионской связи с учёным секретарем Наркома тяжелой промышленности Шаровым, который был знаком с ДАНЦИГЕРОМ в 1932 г. Сам же ШАРОВ, арестованный в Москве, показал, что он начал шпионскую работу в пользу немцев в 1934 г. т.е. по истечении двух лет после последней встречи с ДАНЦИГЕРОМ.

ДАНЦИГЕР осужден военным трибуналом к 10 годам ИТЛ с 3-мя годами поражения в правах.

Создалось положение, когда имена старых чекистов стали нарицательными и большой стаж чуть ли не являлся инкриминалом для ареста и обвинения.

Из-за прохвоста, выроodka человечества Ягоды и кучки таких же предателей, засевших в Наркомате Внутренних Дел и на местах, были взяты под политическое сомнение все старые чекисты, многие из которых за свою беззаветную, преданную работу заплатились жизнями и долголетним заключением в лагеря.

В конце 1937 года и начале 1938 года в руководящих указаниях центрального аппарата НКВД творилась полная неразбериха и отсутствовал здравый смысл. Директивы требовали ареста людей за такие дела, которые являлись правильными и арест таких людей был прямой установкой на уничтожение преданных кадров. Например, одной из директив 5 отдела центра давалась установка обследовать все оружейные склады войсковых частей и в тех, где будет обнаружено, что пулеметные ленты и пулеметы "Максим" находятся в "ИЗ" не будут набитыми патронами, виновных арестовывать и через них вскрывать диверсионные организации, тогда как на самом деле, согласно существующего положения, да и здравый смысл говорит обратное, что нужно было арестовывать тех "специалистов", которые допустили бы набивку лент патронами в мирное время, так как патроны, давая окислы, вывели бы из строя березентовые ленты, а хранение избыточных лент в закрытых коробках ускорило бы их порчу. Таких абсурдных указаний было много.

Эта операция объективно привела меня в исправительно-трудовой лагерь 29.X.1937 года был арестован мой брат ЕГОРОВ Николай, работавший на протяжении ряда лет директором Абайского совхоза в Ойротии. Брат мой был коммунистом, хотя я с 1922 года встречался с ним редко, но я его знал как преданного члена партии. Он не мог быть врагом. При редких встречах с ним, когда он приезжал в Новосибирск, я его всегда видел веселым, кипучим и деятельным. Он всё время проводил в хлопотах, то оне в Крайкоме партии, то на опытных исследовательских пунктах со своими предложениями в области скотоводства.

Работая в трудных горных условиях, о нём говорили, что его совхоз никогда не испытывал недостатка кормов.

Он сам через горные перевалы, но малопроходимым тропам перебрасывал корма, вел их заготовку на месте и т.д. Совхоз не знал массового падежа скота, что так характерно для совхоза Ойротии. Будучи прекрасным семьянином, он безумно любил свою дочь и с нетерпением ожидал прибавления к семейству, но через 10 дней после появления на свет второго ребенка он, не успев пережить долгожданную радость, был навеки оторван от своей семьи. Он был уничтожен, как "враг народа". В декабре месяце 1937 года я получил из Алтайского края, очевидно от одного из своих бывших товарищей, анонимное письмо о том, что мой брат подвергается допросу третьей степени и из него выколачивают показания о... моем участии в какой то организации и что инициатором этого допроса является некий Буторин, которого я знал еще до работы в Омском окротделе ОГПУ. Вы можете понять весь ужас моего положения. Я чувствовал себя на положении живого трупа. При получении известия об аресте брата я немедленно поставил в известность парторганизацию и нач. УНКВД, но парторганизация и руководство УНКВД замкнулись и никак не реагировали на мое заявление. Партком даже не вынес решения принять к сведению мое заявление, а б/нач. УНКВД ГОРБАЧ на мой рапорт только ответил, что "если будет установлена твоя связь с братом, то пойдем за ним", а на последнее мое полученное мною анонимное письмо он мне по телефону заявил: "работай, как работал, дальнейшее покажет".

С одной стороны массовое уничтожение невинных людей, с другой — перспектива быть тоже арестованным и расстрелянным по неведомому мне делу с об"явлением врагом народа, приводило меня к выводу о невозможности дальнейшего своего существования, но подвести итог своей жизни я не мог, т.к. было третье обстоятельство: семья — жена и двое дочерей. Самоуничтожение привело бы к большому горю семьи и немедленному ее разгрому, а так как я утопающий надеялся на прекращение массовой операции. Несмотря на весь ужас своего положения, я продолжал работать. Я как и все, писал тоже протоколы, но я выбивал исключительно контрреволюцию, ни в одном моем протоколе вы не найдете человека, который бы не имел за собой какого-нибудь контрреволюционного или антисоветского багажа. На моей совести нет ни одного убийства честных, преданных людей — я был врагом таких дел.

Мне стало казаться, что мои товарищи по работе избегают меня, я непроизвольно стал чувствовать, что я для них стал чужим человеком, я в их глазах видел какое-то сострадание ко мне. О своём невыразимом горе, всех своих переживаний и думах я не мог никому говорить, боясь, что меня могут понять как человека, вербующего сочувствующих и ищущего жалость. Дома я также все переживал молча не желая расстраивать жены...

Передать на бумаге свои переживания невозможно, но под влиянием их я совершил преступление перед органами, которое и привело меня к лишению всех прав и заключению в лагерь.

У командира 78 сд. подполковника Пленкина, на основании шифротелеграммы, нами были арестованы жена и ее брат, как прибывшие с КВМД. Они, как и многие им подобные, подписали показания (следствие вел мой помощник мл. л-нт г/б Воистинов), оба они были расстреляны. Самого Пленкина я знал на протяжении 4-х лет как преданного коммуниста и хорошего командира. Пленкин происходил из крестьянина-бедняка, из рядовых красноармейцев-добровольцев начала гражданской войны, не получив никакого специального военного образования, путем самоподготовки вырос в полноценного командира РККА. В июле месяце 1937 года он из нач. штаба был выдвинут командиром дивизии, компрометирующими материалами мы располагали только на 19 летнего брата жены, подозревая его принадлежности к японской разведке, но никаких конкретных данных о его деятельности мы не имели. Сам Пленкин, будучи воспитан на принципах высокой бдительности, никогда не только не выносил из служебного помещения никаких секретных бумаг, но даже никого по служебным делам не принимал дома. Это легко мог убедиться на агентурного дела "Западня" на семью Пленкина.

Знач честность Пленкина и его преданность, я никогда ей ни в чем не подозревал. Это был идеальный коммунист-командир, он пользовался заслуженной любовью всех военнослужащих дивизии.

Я не буду подробно писать Вам как случилось, что я совершил преступление. Это могут Вам доложить по следственному делу и моему письму Наркому Внутренних дел тов. Берия. Кратко мое преступление выразилось в том, что я 12. XII. 1937 года при участии Пленкина и неких Андреевой и Лихтман организовал выпивку на квартире у Пленкина.

Андреева являлась женой из старших командиров 232 сп. была мне знакома с 1934 года. Мы сильно увлеклись друг другом и, не будучи освобождены от человеческих слабостей, я полюбил ее. Вскоре же она была привлечена к нашей работе. Интимные встречи были редки и продолжались до середины 1935 года. Чувствуя, что наши взаимоотношения к хорошему не приведут, я прекратил встречи и мы этого в интимной обстановке виделись только два раза. Первый раз в августе мес. 1936 года и второй раз 12.XII.1937 года.

23.I.1938 года я, будучи немного выпивши, при хулиганских обстановках привез на квартиру комиссара дивизии Л-нта ЛИХТМАН. Это сделать меня побудила тоска и желание поговорить с кем-нибудь. Привезя ЛИХТМАНА на квартиру, я почувствовал, что сделал преступление и позвонил живущему в этом же доме ПЛЕНИНУ, который и пришел к нам. ЛИХТМАН поехала со мной на квартиру к Пленкину сама, причем мы уехали от ее мужа.

В приговоре Военного Трибунала указано, что я обвиняюсь в морально-бытовом разложении, приступлений революционной бдительности, результатом чего явилась моя бытовая связь с лицами связанными с иноразведками (Пленкин) и развале работы особдива.

На судебном заседании АНДРЕЕВА, подтвердив правильность моих показаний, заявила, что наша интимная связь, основанная на любви, не носила характера моего разложения.

ЛИХТМАН заявила, что с моей стороны не было сделано никаких попыток к использованию ее как женщины.

Свидетели обвинения о развале работы особдива на суд не явились, до этого развала и не было, это легко можно убедиться по самому делу, т.е. я наоборот в икме месяце был вторично назначен в Томск после моего годичного отсутствия из особдив из-за полного развала работы в нем за мое отсутствие. Я прохожу мимо этих обвинений — они абсурдны.

Таким образом я совершил три преступления:

1. В 1934 году вступил в неопозволительную связь с Андреевой.

2. 12.XII.37 года и 23.I.38 года под влиянием постигшего меня горя и переживаний восстановил связь с Андреевой и организовал выпивку с привлечением Лихтман и Пленкина;

3. В общей запутанной обстановке запутался сам и пошел на бытовую связь с Пленкиным, скомпрометированным арестом жены и ее брата, попавших под общую операцию.

Первый свой поступок я совершил сознательно, зная, что допускать его было нельзя, в последних же двух случаях я не снимаю с себя вины, но искренне заявляют Вам, они совершены под влиянием моих переживаний.

Тов. Сталин, я пришел в органы 18-ти летним комсомольцем. За свои 16 лет работы в органах не имел ни одного дисциплинарного взыскания: за активную борьбу с контрреволюцией и бандитизмом я имел две благодарности в приказах, два наградных револьвера и часы, имею ранение. Все 16 лет я проработал в тяжелых сибирских условиях. Я никогда не отказывался от даваемых мне заданий. Был и остался до конца преданным делу партии. Всегда был беспощаден к врагам народа и не только агентурным и следственным путем боролся с ними, но много, много сам физически уничтожал их. До дня своего ареста я усиленно продолжал работать, несмотря на то, что в течение последних 8 лет я не пользовался отпусками.

Все это привело меня к большой катастрофе, я потерял:

1. Партию и политическое доверие,
 2. Органы, в которых я вырос и работой которых я жил.
 3. Теряю надежду видеть и растить своих детей. Теряю семью, пережившую тяжелые материальные затруднения.
 4. Потерял свободу и звание гражданина Великой страны.
- Утрата большая.

Помимо горя, которое я принес своей семье и отцу, я принес горе еще одному близкому мне человеку, моя жена сирота и до замужества она жила с маленькой сестрой, которую я воспитывал с 7-ми летнего возраста. За эти годы она выросла в хорошую активную девушку. В октябре месяце 1937 года она вышла замуж за выпущенного из Томского артучилища л-нта и когда он узнал о моем аресте, тот развелся с моей воспитанницей, которая сейчас с грудным ребенком живет у жены.

Я не знаю, как будет расценено мое откровение. Возможно, сообщая обо всем этом, я делаю хуже себе. Возможно Вы мне не проверите.

Наряду с большими делами по очищению нашей страны от врагов, некоторые органы, встав на преступный, непартийный путь, уничтожили много невинных и нужных жизней. Многие из этих людей отдела бы, как преданные сыны своей родины, свои жизни до конца в будущих боях за дело партии, за Ваше, тов. Сталин, дело.

Я много пережил за эти полтора года. Я пережил больше того наказания, которое я заслужил получить за сделанное мною преступление перед партией и органами.

Я помногу и долгу думаю о будущем. Пройдут года - я отбуду срок своего наказания в лагере и буду освобожден, но политическое доверие, я, в том случае, если не буду прощен партией сейчас, не верну. Жить обывателем после активной комсомольской и партийной жизни я не могу, но как же тогда жить? Я буду овеян политическим недоверием - да иначе и быть не может, брат врага народа, б/член ВКП/б/, б/чекист, б/заключенный - это слабильный объект органов УГБ, это оперативная база работы органов и я постоянно буду находиться под угрозой оперативного удара органов.

Я никогда, ни при каких условиях не стану врагом народа; но жить в атмосфере политического недоверия будет невыносимо. У меня нет профессии, до дня ареста у меня была одна (я ее считал пожизненной) профессия чекиста, но эта профессия будет уже не для меня. Что же тогда делать?

Тов. Сталин, если вы найдете моё преступление не тяжёлым и возможным его простить? сделайте это.

Прошу Вас дать указание проверить, был ли мой брат врагом. Я уверен, что брат ~~ни~~ сейчас труп, но сумеет реабилитировать себя и смоет это позорное пятно с себя и меня.

Прощение партии и органов, установление действительного лица моего брата и возвращение звания гражданина Великой Родины было бы для меня вторым рождением на свет. Обещаю Вам, что я никогда, ни при каких условиях ничего не сделаю, что явилось бы не партийным поступком. Жду Вашего справедливого решения — ЕГОРОВ, 20. XII. 1938 года пос. Ноже-ель, Усть-Вымского района Коми АССР.

п.п. Верно: нач. 2 отделения ОО КГБ ПРИ САМ
СССР ПО СИБВО — капитан МЕРКУШОВ

Справка: копия данного документа находится в арх. след. дела № 977721 по обвинению МАЛЬЦЕВА И.А. и хранится в УАО КГБ СССР.

Верно: